Клоачный принц.

Книга 2

Анатомия падения

18+

Назар Сотников

Клоачный Принц. Книга 2. Анатомия падения.

«Автор»
2026

Сотников Н. А.

Клоачный Принц. Книга 2. Анатомия падения. /
Н. А. Сотников — «Автор», 2026

Аксиома — выгребная яма на костях мертвого бога. Дэймон Вэнс поднялся из грязи Клоаки в Совет Старейшин, веря, что плетет идеальную интригу. Он шантажировал фанатиков и подкупал трусов, думая, что контролирует город.Но в мире лжи правда только одна — сила.Когда Дэймон бросил вызов системе, Регент Кадмус Вейн — трехметровый палач Падшего — спустился со Шпиля. В Тронном зале, под взглядом восьми Стражей, карточный домик амбиций Дэймона рухнул. Его предали все. Даже та, кого он пытался спасти.Сломанный, он был выброшен обратно в радиоактивную грязь Клоаки умирать. Но в сточных водах рождается ненависть.Дэймон Вэнс мертв. Теперь есть только «Пустота».Он больше не играет по правилам Совета. Он заберет трон Падшего Монарха, чтобы сжечь саму власть дотла. Он построит новый Аксиом на костях старых богов — империю, где будет только одна воля.Его воля.Клоачный принц больше не просит. Он пришел забрать свое.

© Сотников Н. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13

Назар Сотников
Клоачный Принц. Книга 2. Анатомия падения.

Глава 1

Глава 1. Анатомия Маски (Спустя месяц с конца Первой книги)

Месяц. Ровно тридцать дней прошло с тех пор, как Сайлас швырнул мне чип с именем «Деймон Вэнс». Тридцать дней с тех пор, как я перестал быть мусором из Клоаки и стал гражданином Среднего Яруса. Тридцать дней я спал на шелке вместо гниющего мха, и этот шелк всё еще казался мне слишком мягким. Моя старая кожа, привыкшая к жесткости ржавых труб, зудела от чистоты.

«Театр Грехов» не был местом для убийц. Это была опера для тех, чья кровь стоила дороже титана. Воздух здесь был густым от синтетических феромонов и диссонирующей музыки, которая вводила «Чистых» в состояние транса, имитируя эмоции, которые они давно разучились испытывать.

Я стоял у колонны из черного мрамора. На мне был костюм из темной ткани, сшитый по мерке Сайласа. Ткань не отражала свет, она его поглощала, делая мой силуэт визуально плоским, стертым. Это была моя новая кожа — облик скучающего младшего клерка из Корпоративного сектора. Достаточно ничтожный, чтобы на меня не обращали внимания, но достаточно дорогой, чтобы охрана не смела обыскивать меня у входа.

Внутри меня привычно сжималось замерзшее озеро. Год назад смерть Тик-Така оставила в нем дыру. Месяц назад растворение матери заполнило эту дыру свинцом. Сейчас свинец начал остывать и превращаться в структуру. Я больше не чувствовал холода. Я вообще мало что чувствовал, кроме веса чужих кредитов на своих счетах.

«Ты дышишь слишком громко для мертвеца», — раздался голос Лиры рядом.

Она возникла из теней так же беззвучно, как и в нашу первую встречу. Я перевел на неё взгляд, привычно отключая эмоции и включая анализ. Лира не носила одежду в привычном этого слова. Её облачение было актом биологического насилия.

Тончайшая пленка симбиотического шелка покрывала её тело, заменяя кожу там, где природа допустила ошибку. У этой ткани не было швов — она пульсировала в такт её дыханию. Это была её вторая нервная система, транслирующая ложь её биологии. Сейчас, глядя на труп Корвуса в ложе напротив, её платье было **черным**, поглощая даже блики хрустальных люстр. Цвет хищника в засаде.

Её лицо было совершенным — слишком совершенным. Кожа не имела пор, она выглядела как фарфор, но я знал, что это слой прозрачного биогеля, под которым скрывалась сеть микросхем. Скулы были высечены под неестественным, хищным углом. Глаза её были живыми, и именно поэтому они пугали больше всего: радужка неестественно широкая, почти полностью поглотившая белок. Это были линзы-дальномеры.

Она сделала глоток из бокала, в котором светилась голубая эссенция. На её правой руке не было перчатки. Пальцы обнажены, но ногти представляли собой отдельные импланты — длинные, острые пластины из матового стекла.

— Ты всё еще пытаешься слиться с полом, — сказала она, не поворачивая головы. Её голос звучал как шелест дорогой бумаги. — В этом зале пол — это собственность. На него нельзя наступать с тяжестью. Иди так, будто ты выше него. Будто гравитация — это просто рекомендация, которой ты можешь пренебречь.

Она была моим инструктором. Сайлас платил ей за то, чтобы она сделала из «пустышки» человека.

— Зачем мы здесь? — спросил я. — Корвус мертв. Его долги прощены. Его девочки перепроданы. Это место — пустая трата кредитов.

— Это место — пастбище, — Лира кивнула в сторону балкона, где под воздействием мана-вибраций извивалась парочка аристократов, их импланты на спинах светились сквозь тонкую кожу. — Корвус собирал секреты в кристаллы. Но настоящие секреты, Деймон, никогда не записывают. Их выдыхают в уши друг другу в таких местах.

Она протянула мне бокал. Я взял его. Жидкость была холодной и пахла озоном.

— Твоя первая задача, — продолжила она, — не убить. Твоя задача — заставить того человека в синей маске поверить, что ты — его самый большой поклонник.

Я посмотрел на цель. Человек в синей маске был главой гильдии «Медных Пауков», торговцев оружием из Веридиана. В Клоаке я просто перерезал бы тросы его гондолы. Здесь это вызвало бы войну кланов.

— Он убил моих родителей, — сказал я. Это была ложь, которую мы подготовили с Сайласом. Хорошая, жирная ложь, полная слез сирот.

— Тем лучше, — улыбнулась она. На её идеальном лице улыбка выглядела как трещина на древней вазе. — Значит, твои глаза будут гореть праведным огнем. Иди.

Я шагнул в толпу. Я больше не «выдыхал» пустоту, чтобы проходить сквозь охрану. Я использовал «Голос». Я перехватил взгляд слуги с подносом, слегка склонил голову в жесте, который Сайлас называл «признанием иерархии», и слуга сам передал мне канапе, открывая проход.

Я подошел к Синей Маске. Тот стоял, окруженный телохранителями из Веридиана, чьи лица были покрыты ритуальными шрамами.

— Маэстро, — произнес я.

Я не использовал «Голос Сайласа». Я активировал «Голос» самого Синей Маски. Три недели назад, на приеме в «Садах», Сайлас добыл образец его речи.

Я заговорил с той же бархатной, слегка утомленной интонацией, с которой глава гильдии обращался к своим рабам.

— Я хотел выразить восхищение. Ваша последняя партия «Шелковых гаррот» из джунглей... это поэзия.

Синяя Маска замер. Его телохранители напряглись. Он смотрел на меня из-под маски.

— Мы знакомы? — спросил он. Его голос был идентичен моему.

— Мир тесен для истинных ценителей, — я сделал глоток из бокала. Я чувствовал на себе взгляд Лиры. — Я лишь пыль, осевшая на вашем величии. Но даже пыль знает, кто освещает небо.

Синяя Маска медленно выдохнул. Напряжение в его плечах спало. Он не знал, кто это, но этот человек говорил его собственным голосом, использовал его любимые обороты и льстил так, словно я был зеркалом. Нарциссы не нападают на свои отражения.

— Как твое имя? — спросил торговец.

Я открыл рот, чтобы назвать вымышленное имя из досье...

— Не здесь, — я покачал головой, всё ещё используя интонации торговца. — Имена в таком месте — это пыль. Назовите меня... благодарным клиентом.

Синяя Маска рассмеялся. Это был сухой, кашляющий звук. — Мне нравится твоя пыль, «Клиент». Буду ждать вестей от твоего посредника.

Он отвернулся, потеряв интерес.

Я стоял неподвижно. Я не чувствовал триумфа. Я смотрел на свои руки, держащие бокал.

Я не убил его. Я просто занял место в его кармане. Это эффективнее. Мертвый враг — это конец. Живой должник — это ресурс.

Я допил светящуюся жидкость. Она обожгла горло, но я не поморщился. Боль была просто данными.

Я развернулся и пошел обратно к колонне. Лира ждала меня. Её платье снова стало **фиолетовым**. Цвет амбиций. Она смотрела на меня с новым интересом. Я перевел взгляд на её шею. Там, под линией челюсти, тускло поблескивала полоса из черного кадавриума. Шейное украшение, которое выглядело как ожерелье, но на деле было «Намордником». Подарок от её бывших хозяев.

— Ты был убедителен, — сказала она. — Почти слишком. Ты звучал как он. Это пугает людей, Деймон. Не показывай это слишком часто, пока у тебя нет армии, чтобы защитить тебя от тех, кого ты напугал.

— Когда я получу армию? — спросил я.

— Когда научишься танцевать, — она протянула мне руку. Её пальцы были холодными, как у свежевыкопанного трупа. — И когда перестанешь пахнуть озоном. От тебя несет, как от грозы. Здесь это признак дурного тона.

Она потянула меня в центр зала, где начинался танец.

Я позволил ей вести. Это было ошибкой, которую я допустил намеренно, собирая данные. Мои движения были механически безупречными. Я считал шаги, углы наклона, точки опоры. Но Лира... Лира не танцевала. Она охотилась в движении.

Её тело не следовало за ритмом, оно предвосхищало его. Когда музыка делала резкий акцент, она не просто делала шаг — она *взрывалась* им, используя гидравлику в своих бедрах, чтобы скользить по мрамору без видимых усилий. Её позвоночник изгибался с пугающей, змеиной гибкостью.

Она положила свою руку в перчатке из живой ткани мне на плечо. Я почувствовал, как её импланты на кончиках пальцев едва заметно завибрировали, сканируя напряжение моих мышц. Она подстраивалась под меня.

Когда я вел её, я был ведущим. Сейчас, ведомый ею, я чувствовал себя не партнером, а приманкой. Она держала меня не за руку, а за центр тяжести. Каждый её поворот был рассчитан так, чтобы полы её платья-шелка взметывались.

С первым широким вращением её юбка плеснула в стороны, и цвет сменился на **глубокий индиго** — она входила в ритм, вычисляя траекторию. Когда музыка стала быстрее, а её движения — агрессивнее, шелк на предплечьях пошел **пульсирующей синей сеткой**, имитируя работу её внутренних охладителей. В момент, когда она прогнулась в пояснице, пропуская под собой руку другого танцора, ткань на её спине на мгновение стала **прозрачно-белой**, обнажая сложную механику позвоночных имплантов, прежде чем снова сомкнуться в **чернильную тьму**.

— Не смотри на люстры, — прошептала она, и её губы коснулись моей мочки уха. Её платье у ключицы вспыхнуло **болезненно-алым** — цветом хищника, заметившего кровь. — Смотри на их шеи. Видишь, как бьется жилка? Вот здесь, у банкира с золотыми зубами? Он только что проиграл состояние. Его пульс — сто сорок. Он мертв, просто еще не знает об этом.

Её движения были потоком данных. Она вела меня сквозь толпу, используя тела других танцоров как препятствия, от которых она отталкивалась с хищной грацией.

Я смотрел на кружащихся вокруг «Чистых». Их лица были расслаблены, глаза закрыты. Они отдавали свои тела музыке, наркотикам и друг другу, пытаясь почувствовать хоть что-то через свои гниющие импланты.

Я не чувствовал ничего. Я был наблюдателем в её теле. Я считал количество капель пота на висках её партнера, измерял угол падения теней и анализировал частоту вибрации её импланта в бедре.

Но когда музыка достигла крещендо, и Лира на мгновение прижалась ко мне ближе, чем требовал этикет, используя инерцию вращения, чтобы впечатать свою грудь в мою, её платье

полностью слилось со мной, став **абсолютно черным провалом** в пространстве. В этом чернильном всплеске цвета она на долю секунды исчезла из поля зрения других танцоров, и её лицо оказалось вплотную к моему. Цвет поглотил свет, потому что она готовилась к броску.

Вы танцуете на своих могилах, — подумал я. — *Вы думаете, что это бал. Но это лишь раздача масок перед Сбросом. И я заберу их все.*

Музыка стихла. Лира отступила резко, обрывая контакт. Движение было хищным, отточенным. Её шелк стек с её тела, меняя оттенок с черного на мертвенно-бледный, почти пепельный — цвет пустоты после взрыва. Она смотрела на меня с новым интересом, её механические глаза тихо жужжали, перефокусируясь.

— Что ты видел, когда смотрел на них? — спросила она. — Механизмы, — ответил я. — С очень слабыми предохранителями.

Лира улыбнулась. На этот раз в её улыбке не было яда. Только чистое, профессиональное уважение.

— Добро пожаловать в игру, Император, — прошептала она, прежде чем раствориться в толпе.

Я остался один. Я посмотрел на свою руку. На коже не осталось пота. Я развернулся и пошел к выходу. Завтра мне предстояло изучить бухгалтерские книги Корвуса. Коллекцию воспоминаний я оставил на потом. Сначала нужно было забрать их деньги.

Банк «Хранилище Воронов» пах озоном и старым страхом. Здесь не было мягких ковров Садов или пульсирующего пурпура Сброса. Здесь был только серый металл, белый свет и абсолютная, звенящая тишина. Деньги здесь не звенели, они просто *были*.

Я вошел в кабинет старшего брокера. На мне всё ещё был костюм клерка, но под кожей теперь работала «Тишина». Я был дырой в пространстве, и системы безопасности банка это чувствовали. Брокер, человек с кожей цвета старой бумаги, нервно сглотнул, когда я сел в кресло. Его импланты на висках мигнули красным — *«Ошибка среды. Невозможно считать биометрию»*.

— Мое имя Дэймон Вэнс, — сказал я, используя «Голос» Сайласа. Бархатный, обволакивающий тон. — У меня есть предложение, которое сделает вас очень богатым и, возможно, продлит вам жизнь.

Я выложил на стол чип Корвуса и бумаги на облигации Атериса.

Через час я стоял в Зале Совета.

Мой запрос на легализацию средств прошел. Десять миллионов империалов теперь были чисты. Но это была не просто победа. Это был сигнал. Когда Дэймон Вэнс, новичок, в первый же день своего членства проводит сделку такого масштаба, это не амбиция. Это демонстрация зубов.

Я сидел в своем обсидиановом кресле, слушая монотонный бубнеж Регента о налогах на воздух. Мои глаза были прикрыты, но я не спал. Я сканировал потоки данных.

И я нашел аномалию.

Старейшина, которого я мысленно назвал «Золотой Плесенью» — та самая женщина с лицом из золотых пластин, что выступала против «Соленой Купели», — вела скрытый канал связи. Не через инфосеть, которую я контролировал, а через древний акустический протокол. Вибрации, передаваемые через металл кресла.

Она говорила с кем-то в «Сектах» — нижних уровнях, где правила Инквизиция. *«Объект стабилен. Он опасен. Вэнс консолидировал активы Корвуса. Если он получит доступ к "Эху" Монарха, он переманит Стражей. Он должен быть скомпрометирован до голосования по Регенту. Дайте ему повод спуститься вниз».*

Я позволил легкой улыбке коснуться моих губ. Они боялись меня. Это было логично. Но они были глупы. Они думали, что я хочу *стать* Регентом. Они не понимали, что я хочу убрать саму должность.

Мой порт тихо пискнул. Входящее сообщение. Не текст. Прямая аудиопередача в нервную систему. Голос Сайласа. *«Они только что заглотили наживку. Золотая Леди передала приказ. Они хотят, чтобы ты спустился в "Секты" и убрал её конкурента. Старейшину по прозвищу "Башня". Он контролирует "Кузню" и мешает её торговым путям с Атерисом».*

«Почему они не убьют его сами?» — ответил я мысленно.

«Потому что "Башня" — параноик. Он доверяет только своим големам из Кузни. Если Совет отдаст приказ, начнется война каст. Но если "Башня" умрет от рук "Сектантов" или из-за "случайной" поломки реактора, пока он будет трахать свою механическую шлюху... это просто трагическая случайность. И ты — их грязная тряпка, Вэнс. Они хотят, чтобы ты это организовал».

Регент закончил речь. — Есть ли возражения по распределению водных ресурсов?

Я встал. Мое движение было плавным, лишенным резкости. — Есть, — мой голос заполнил Зал. — Я беру это на себя.

Золотая Пластина подняла на меня свои светящиеся линзы. В них читалось удивление, смешанное с триумфом. Она думала, что я сейчас сдамся или потребую взятку. Она не понимала, что я только что принял её приказ.

— Вы? — прошипела она. — Это вопрос безопасности нижних уровней. Вам не пристало... — Императору пристало всё, — отрезал я. — «Башня» контролирует реакторы. Если он не сможет обеспечить стабильную подачу маны к Трону из-за своих разборок с Гильдией Водных Путей, Падший Монарх проснется не в духе. Я решу эту проблему. Тихо.

Я сел.

Я видел, как её золотые импланты на висках на мгновение вспыхнули ярче. Она поняла, что я только что получил санкцию Совета на устранение её врага. Она думала, что использует меня. На самом деле я только что получил легальное право убить Старейшину.

Нижние уровни. Сектор «Слизь-4».

Здесь пахло так же, как в моей колыбели. Озоном, сладкой гнилью и жареным мясом. Но теперь я смотрел на это не как на дом, а как на неисправную систему охлаждения.

Цель была известна как «Башня». Бывший инженер, который вживил в свой позвоночник несущую балку из Кузни. Он был огромен, уродлив и считал, что контролирует всё, что происходит ниже уровня «Гамма».

Он сидел в своем логове — бывшем машинном зале. Вокруг него крутились его «дети» — уродливые гибриды из плоти и ржавого металла. Сам «Башня» был подключен к главному реактору сектора через толстые кабели, торчащие из его затылка. Он питался маной напрямую.

Я не стал прятаться. Я вышел в центр зала. Мои новые импланты «Тишина» работали в режиме маскировки, но здесь, в Слизи, где фон был слишком плотным, я просто выглядел как очень дорогой, очень странный человек.

«Башня» поднял голову. Его глаза были мутными оптическими линзами. — Ты не из моих, — пророкотал его голос, вибрируя в полу. — Ты воняешь деньгами. Ты заблудился, бухгалтер?

Я не ответил. Я активировал «Голос». Но не голос Сайласа. Я выбрал тон «Башни». Низкий, утробный, вибрирующий от механических шумов.

— Гончая, — сказал я, глядя на ближайшего уродца — существо, похожее на собаку с лицом человека. — Твой хозяин слаб.

Тварь замерла. Её мутные глаза сфокусировались на мне. «Башня» зарычал. — Не смей говорить с моими детьми, кусок пластика!

— Он умирает, — продолжил я, всё тем же голосом «Башни». Я транслировал частоту, на которой работали его собственные вокодеры. Для его «детей» мой голос звучал как приказ их создателя. — Посмотри на его кабели. Они греются. Реактор выдает слишком много маны. Он не справляется. Он сгорит. И вы сгорите вместе с ним.

Уродцы начали беспокойно переминаться. Они были примитивны, их импланты не имели защиты от психического резонанса. Они верили мне, потому что я звучал как их бог.

— Но есть способ спастись, — я перевел взгляд на «Башню». — Ты должен отдать мне ключ от распределительного щита. Я заберу лишнюю ману. Я спасу вас.

«Башня» взревел. Он попытался встать, но кабели держали его крепко. Он протянул свою огромную, покрытую ржавчиной руку к панели управления. — Я... я вырву тебе глотку...

— Ты уже отдал приказ, — прошептал я.

Его рука замерла на кнопке тревоги. Пальцы разжались. Он опустил руку. Его воля была сломлена не моей пустотой, а простым акустическим совпадением. Я не лгал ему — я просто заставил его поверить, что эта ложь была его собственной мыслью.

— Хороший мальчик, — сказал я.

Я подошел к панели. Я не стал использовать «Усмиритель». Это было бы слишком просто. Я достал из кармана маленький кристалл — «Эхо» страха, которое дала мне Лира.

Я вставил его в порт реактора.

— Когда придет Инквизиция, — сказал я, вводя код перегрузки, — скажи им, что «Башня» пытался украсть ману для продажи в Веридиан.

Я активировал протокол изоляции.

Кабели «Башни» вспыхнули. Мана, лишившись выхода, пошла обратно в его позвоночник. Его импланты не были рассчитаны на такой объем.

Он не успел даже закричать. Его тело изнутри засветилось фиолетовым, плоть начала испаряться, обнажая раскаленную докрасна металлическую балку.

Его «дети» взвыли. Но они не напали на меня. Они стояли и смотрели, как горит их создатель, парализованные моим «Голосом».

Я вышел из зала. За моей спиной реактор сектора «Слизь-4» взорвался, отрезая этот кусок Клоаки от остального мира.

На моем порту мигнул индикатор. *«Задание Совета выполнено. Статус: Актив завершен».*

Я поднялся на лифте на уровень «Гамма». Я не чувствовал ни радости, ни удовлетворения.

Я зашел в свои апартаменты. Сайлас ждал меня с бокалом вина. — Я видел записи, — сказал он. — Ты использовал «Эхо» Лиры. Грязно. — Это было эффективно, — ответил я. — Совет думает, что я их цепной пес. «Башня» мертв. Золотая Пластина думает, что контролирует меня.

Сайлас улыбнулся и протянул мне бокал. — Она уже готовит следующую ловушку. Они дадут тебе «Эхо» Монарха. Они хотят посмотреть, сгоришь ли ты.

Я взял бокал. Вино было красным, как кровь. — Пусть смотрят, — сказал я. — Я пустота. Я не горю. Я просто поглощаю свет.

Я посмотрел в окно на огни Аксиомы. Первая глава игры была закончена. Я убил Старейшину чужими руками, используя лишь звук.

Завтра я попрошу у Совета их секреты. И они мне их дадут.

Я проснулся не от звука. В моих новых апартаментах на уровне «Гамма» не было звуков. Звукоизоляция здесь была такой плотной, что, казалось, можно задохнуться в тишине. Я проснулся от того, что мне было слишком жарко.

В Клоаке я привык к холоду. Холод был честным, он забирался под кожу и не давал расслабить мышцы. Здесь же система климат-контроля поддерживала температуру «идеального комфорта». Дорогой шелк простыней казался мне мокрым и скользким. Тело, привыкшее спать вполглаза на ржавых листах металла, не понимало, как можно отдыхать, когда вокруг нет ни одной физической угрозы.

Я сел. Мои мышцы были в тонусе — наследие Клоаки, рефлекс выживания, который не вытравить никаким мылом. Но я чувствовал... раздражение. Не тревогу, а именно раздражение от несовершенства мира.

Я подошел к гардеробу.

Вчера, после устранения «Башни», я не пошел в бордель и не напился. Я пошел к портному.

В Клоаке одежда была броней или тряпкой, впитывающей кислоту. Здесь одежда была заявлением. Я стоял перед зеркалом. На мне был вчерашний костюм клерка. Он был сшит идеально, но сегодня утром я увидел в нем изъян. Плечевой шов был смещен на два миллиметра влево. При движении это создавало микро-завихрение воздуха. Почти незаметное, но мой взгляд — теперь взгляд хищника, а не добычи — цеплялся за эту ошибку.

Я сбросил костюм на пол. Ткань упала без единого звука.

— Это, — сказал я, поворачиваясь к портному, который стоял в углу с планшетом. — Утилизировать.

— Но ткань... это «Тихий шелк» с Атериса, — пролепетал портной. — Годовой лимит...

— Мне плевать на лимит, — мой голос прозвучал ровно. В нем не было крика, но в комнате стало на пять градусов холоднее. — Мне плевать на год. Мне нужна кожа, которая не дышит. Мне нужна ткань, которая поглощает свет полностью. Я хочу быть дырой в пространстве. Сделайте мне костюм, в котором я смогу стоять в тени, и тень будет казаться светлее, чем я.

Я провел рукой по своему предплечью. Старая кожа, покрытая сеткой шрамов от ожогов маной, была бледной, почти серой. — И отбелите мне кожу. Я хочу выглядеть как недоразумение. Как ошибка в коде.

Теперь, стоя в новых апартаментах, я чувствовал это презрение. Я смотрел вниз, на уровень «Сброса». Огромные трубы изрыгали фиолетовый дым. Там, внизу, копошились «Сосунки» и «Сращенные». Они боролись за глоток маны, за кусок теплого металла.

Я вспомнил, как прятался от «Сосунков» в Клоаке. Как моя пустота спасла меня, сделав невидимым для их магического чутья.

«Глупцы», — подумал я.

Это не была ненависть. Ненависть — это эмоция, а эмоции требуют энергии. Это было холодное, клиническое презрение инженера к сломанному механизму. Они всё еще пытались «играть» с магией, ловить «звездных мух» и жевать мох. Они пытались выжить внутри системы.

Я же собирался стать системой.

Я подошел к панорамному окну. Внизу, в «Терниях», всё еще догорали остатки сектора «Слизь-4». Мой первый «труп» в Совете. Я не просто убрал «Башню», я спровоцировал взрыв реактора, чтобы замести следы. Золотая Пластина была в восторге от моей «решительности». Она думала, что я — её бешеный пес, которого она спустила с цепи.

Я коснулся своего лица. Новая кожа, бледная и гладкая, казалась чужой.

— Раздражает, — вслух сказал я. Слово прозвучало глухо в пустой комнате.

Раздражало всё. Раздражал шелк, который не держал форму. Раздражал воздух, который был слишком чистым. Раздражал вкус еды — Сайлас вчера заказал мне ужин из «Садов», и я едва смог проглотить кусок. Мясо казалось мне ватным, лишенным текстуры борьбы. В Клоаке кусок крысиного мяса, за который нужно было убить, имел вкус. Здесь еда была просто топливом.

Мой порт пискнул. Входящее сообщение. *«Зал Совета. Уровень "Альфа". Полдень. Экстренный сбор».*

Я посмотрел на свое отражение. В Клоаке я был призраком, потому что у меня ничего не было. Здесь я был призраком, потому что у меня было всё, и мне было на это наплевать.

Я начал одеваться. Новый костюм сидел идеально. Швы были математически точны. Ткань поглощала свет, делая мои плечи визуально уже, а фигуру — ломкой и нереальной.

Я посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали.

«Мама хотела их спасти», — мелькнула старая мысль.

Я сжал кулак. Ткань костюма тихо затрещала от напряжения, но не порвалась.

«Она хотела дать им свет. Она верила, что если починить Ось, они перестанут быть зверями. Какая... нелепая арифметика».

Я развернулся и пошел к выходу.

Я больше не был Дейманом из Клоаки. Я был Дэймоном Вэнсом. И я смотрел на свою родину сверху вниз, как биолог смотрит на чашку Петри с плесенью.

Они думали, что приняли меня в свой круг. На самом деле они просто открыли дверь хищнику в курятник.

Конец Первой Главы.

Глава 2

Глава 2. Анатомия Нити (Второй год)

В Клоаке тишина означала безопасность. В моих новых апартаментах на уровне «Гамма» тишина означала, что кто-то перекрыл вентиляцию.

Я сидел в кресле, которое стоило больше, чем годовой бюджет сектора «Тернии», и чувствовал себя голым. Убийство «Башни» должно было стать триумфом. Я забрал его активы, я подчинил его «детей», я преподнес Золотой Леди голову её врага на блюдечке.

Но вместо этого я чувствовал холодный металл прицела между лопаток.

Паранойя — это не эмоция. Это математика. В Клоаке, если ты убил вожака, ты становишься вожаком. В Совете Старейшин, если ты убил Старейшину, ты — просто следующий в списке на утилизацию. Золотая Леди использовала меня. Я был её ножом, и теперь этот нож был слишком острым. Она не станет ждать, пока я решу, что следующим препятствием является её собственная шея.

Я не мог править двенадцатью хищниками. Это было неэффективно. Двенадцать независимых переменных создают хаос. Мне нужно было свести уравнение к двум константам. Мне нужно было две марионетки.

Старейшина по прозвищу «Мокрая Бумага» отвечал за архив и логистику. Он был трусом. Его импланты были дешевыми, его порт постоянно барахлил, а страх перед Падшим Монархом был его единственной религией.

Я пришел к нему не через Зал Совета. Я вошел через его личную серверную в «Библиотеке», отключив «Тишину». Я хотел, чтобы он меня *увидел*.

— Вэнс, — просипел он, роняя стакан с синтетическим виски. — Тебя не должно быть здесь. Если Золотая Леди... — Она занята, — перебил я. Мой голос не был «Голосом» Сайласа. Это был мой обычный голос, лишенный всяких эмоций. — Она занята тем, что считает прибыль от «Кузни». Она забыла о тебе, Бумага.

Я подошел к его терминалу. Мои пальцы пробежали по воздуху, взламывая его личную сеть быстрее, чем его мозг успевал регистрировать движение. — Я вижу твои долги, — сказал я. — Я вижу, что ты должен Инквизиции за контрабанду «Эха». Я вижу, что ты подделываешь отчеты о поставках воды в «Сады», чтобы класть разницу в карман.

Он побледнел. Его импланты на шее мигнули красным — паника. — Я... я всё верну. Я лоялен. Я всегда голосовал как... — Ты голосовал, чтобы выжить, — закончил я. — Как и я.

Я вывел на его экран голограмму. Голограмму Падшего Монарха на троне. Того самого, из моих снов. — Башня мертв, — сказал я. — Завтра Регент захочет назначить нового Старейшину на его место. Если Золотая Леди предложит тебя, ты сдохнешь в «Садах» от «передозировки очищения» в течение недели. Ты слишком много знаешь о её махинациях.

— Чего ты хочешь? — его голос сорвался. — Твой голос, — сказал я. — Когда придет время выбирать нового Регента. Когда придет время голосовать за аудит «Кузни». Ты будешь голосовать так, как скажу я. Взамен я стираю твои долги перед Инквизицией. Я делаю их «случайным сбоем в архиве».

Я протянул ему чип. — Это страховка, Бумага. Если ты проголосуешь против меня, этот чип отправит все твои логи о воровстве воды прямо в личный порт Золотой Леди. Вы сгорите вместе.

Он дрожащими пальцами взял чип. Его воля сломалась не от моей угрозы, а от осознания того, что я уже держу его за горло месяц, просто не сжимал пальцы.

Первая нить была натянута.

Второй целью был «Бронзовый Век». Старейшина, отвечающий за «Кузню» и тяжелую промышленность. В отличие от Бумаги, он не был трусом. Он был жадным, прямолинейным и верил, что сила решает всё. Он презирал «Слизь», но уважал эффективный взрыв.

Я не пошел к нему с угрозами. Я пришел с подарком.

— Вэнс, — Бронзовый Век сидел в кресле, которое было больше похоже на трон. — Я слышал, ты устроил в Слизи фейерверк. Эффективно. Но грязно. — Это была разминка, — я положил на его стол инфокристалл. — Я знаю, что Золотая Леди хочет забрать «Кузню» под Корону. Я знаю, что ты хочешь забрать её себе.

Он нахмурился. Его бронзовая кожа казалась высеченной из скалы. — И что? — А то, что ты её не получишь, — я наклонился вперед. — У неё есть право. Протокол о расследовании диверсии. Но у тебя есть я.

Я вывел на стол финансовые схемы. — «Башня» мертв. Его контракты на поставку титана из Атериса аннулированы. Если мы не перехватим их, «Кузня» встанет через месяц. Остановятся лифты. Замерзнут реакторы. Аксиома начнет голодать. — К чему ты ведешь? — К тому, что Золотая Леди — бухгалтер. Она умеет считать только то, что лежит в хранилище. Она не умеет строить. А ты — строитель. Я отдаю тебе контракты «Башни» на титан. Бесплатно. Взамен... ты будешь моим противовесом.

Я посмотрел ему прямо в глаза. — Когда Золотая Леди придет за «Кузней», ты встанешь и скажешь «Нет». Ты обвинишь её в попытке монополизировать промышленность. Ты защитишь «Кузню» от Короны. А я... я не буду мешать тебе стать её директором.

Бронзовый Век долго молчал. Он смотрел на цифры поставок титана. Он видел власть. Он видел металл. — Почему ты это делаешь? — спросил он. — Ты же не любишь железо. Ты любишь тишину. — Потому что трон Монарха сделан из золота, — ответил я. — А золото плавится. Но если «Кузня» будет принадлежать тебе, а «Библиотека» — Бумаге, никто из вас не даст мне упасть. Вы будете защищать свои активы. А ваш актив — это я.

Бронзовый Век усмехнулся. Это был звук скрежета металла. — Ты опасная крыса, Вэнс. Но ты умная крыса.

Вторая нить была закреплена.

Я вернулся в свои апартаменты. Я не чувствовал радости. Я чувствовал вес. У меня было два голоса. Десять других Старейшин всё еще ненавидели меня, но они были разрознены.

Я подошел к окну. Внизу «Тернии» всё еще догорали.

«Мама хотела спасти их», — подумал я.

Я сжал кулак. *«Она была архитектором, который пытался построить дом из гнилого дерева. Я — инженер. Я просто меняю детали».*

В моем порту мигнуло сообщение. Официальное. От Регента. *«Старейшина Вэнс. Совет удовлетворен вашей работой в Секторах. В качестве поощрения вам предоставляется право первого доступа к "Архивам Оськи" для изучения природы Падшего Монарха. Завтра. Полночь».*

Я улыбнулся.

Ловушка для идиота. Они хотели дать мне «Эхо» Монарха, чтобы я сгорел. Они думали, что я всё еще ищу силу в магии.

Они не понимали. Я искал чертежи.

И они только что дали мне ключ от сейфа.

Интерлюдия: Золотая Леди (Параллельно Главе 2)

Золотая Леди не сидела в Зале Совета. Она предпочитала «Сады Очищения», где голубой свет люминесцентных ламп имитировал рассвет, которого никто из них никогда не видел. Она лежала в ванне с целебной жидкостью, и только её лицо оставалось над поверхностью — идеальная маска из фарфора и золотых нитей.

Её механические глаза, обычно светившиеся мягким янтарем, сейчас горели тревожным, багровым светом.

В её ушах, подключенных напрямую к инфосети «Кузни», звучал голос Бронзового Века. Он не просил, он *ставил ультиматум*.

— ...Контракты на титан переходят под мою защиту, Леди. Вэнс уже перевел логистику. Если вы попытаетесь оспорить это через Корону, я заблокирую подачу маны в ваш личный пентхаус. Вы знаете, ваши импланты не любят холода.

Связь оборвалась.

Золотая Леди медленно выдохнула. Жидкость в ванне пошла рябью.

— Он *купил* его, — прошептала она в пустоту. Её голос, лишенный портов, звучал как шелест сухих листьев.

Из тени колонны выступила фигура. Это был не Старейшина. Это был её личный инфоброкер, человек без лица, состоявший из одних проводов и линз. — Он не просто купил, моя Госпожа, — прошелестел брокер. — Он использовал логику Бронзового. Он пришел не с ножом, а со схемой поставок. Он показал ему, что без Вэнса «Кузня» встанет, а без «Кузни» Аксиома замерзнет. Он сделал Бронзового *партнером*.

— А Мокрая Бумага? — её пальцы с золотыми ногтями с силой сжали край ванны. — Испуган до смерти. Вэнс прислал ему запись его собственных разговоров с контрабандистами «Эха». Бумага думал, что его сеть чиста. Теперь он знает, что Вэнс видит каждый его байт. Он будет голосовать за Вэнса, даже если тот прикажет ему прыгнуть в Сброс.

Золотая Леди села. Жидкость стекла с её идеальной кожи, не оставив ни капли.

— Он делает из них инструменты, — её глаза-бельма сузились. — Он не хочет убить нас. Он хочет превратить нас в шестеренки своего механизма.

— Это хуже, — кивнул брокер. — Мертвый Старейшина создает вакуум. Марионетка создает порядок. Если Вэнс стабилизирует Совет, Регент станет ненужным. А если станет ненужным Регент... — ...то Падший Монарх останется без присмотра, — закончила она. — И Вэнс получит доступ к Трону.

Она встала. Жидкость стекла с неё, обнажая тело, состоящее из идеальных линий и платиновых разъемов. Она подошла к панорамному окну Садов. Внизу, в фиолетовом тумане Сброса, всё ещё догорали «Тернии», которые Вэнс взорвал так... *эффективно*.

— Он думает, что перехитрил меня с «Башней», — прошипела она. Её голос стал металлическим, лишенным всякой человечности. — Он думает, что я — бухгалтер, считающий кредиты.

Она активировала свой личный канал связи. Вызов пошел не к Бронзовому, не к Бумаге. Он пошел к главе Инквизиции, человеку, который сжигал еретиков.

— Он заигрался в Архитектора, — сказала она, когда канал открылся. — Он забыл, что в Аксиоме всё еще есть огонь. — Вы хотите, чтобы мы его убрали? — прохрипел Инквизитор. — Нет, — Золотая Леди улыбнулась, и её лицо на мгновение исказилось, став похожим на маску демона. — Убрать его — значит сделать мучеником. Эти идиоты в Совете уже смотрят на него с опаской, но и с уважением.

Она сделала паузу. Её импланты на висках светились в такт биению её ускоренного сердца. — Я хочу, чтобы вы *сломали* его. Дайте ему «Эхо» Монарха. Самое грязное. Самое кровавое. Пусть он прикоснется к Оське. Его пустота поглотит магию, но его человеческий разум — нет. Он увидит то, что сломало Регентов до него. Он либо сойдет с ума, либо его стошнит от страха. А когда он выйдет из «Садов» трясущимся, бормочущим безумцем, я сама внесу в Совет законопроект о его пожизненной изоляции.

— Он выживет в «Садах»? — усомнился Инквизитор. — Там свинцовые стены. Его пустота там бесполезна. — Именно, — прошептала Золотая Леди. — Там нет теней, в кото-

рых можно спрятаться. Там только он и его воспоминания о Клоаке. Пусть поплавает в своей колыбели.

Она отключила связь.

Она посмотрела на свои золотые руки. Вэнс думал, что плетет паутину. Но он был мухой, которая только что села на самый красивый цветок в саду.

Она не просто заберет у него «Кузню». Она заставит его молить о смерти в той самой грязи, из которой он выполз.

«Ты слишком эффективен, мусор, — подумала она, ложась обратно в остывающую жидкость. — А в Аксиоме эффективность должна быть санкционирована. И твоя лицензия... аннулирована».

Конец второй главы.